

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Армянский оруженосец Шекспира

ПЕТРОС АДАМЯН, гениальный трагик конца XIX века, — один из величайших исполнителей шекспировских ролей (и не только шекспировских). Но странное дело: один за другим выходят в свет труды о театре XIX века, труды шекспироведов, где имя Петроса Адамьяна или упоминается вскользь, или вовсе не упоминается.

Как объяснить это? Неужели значение Адамьяна и его яркой деятельности не выходит за пределы армянской культуры? Может быть, Адамьян выступал только на армянской сцене? Или его выступления в России — в Москве и Петербурге, Одессе и других городах прошли незамеченными?

Но стоит лишь перелистать пожелтевшую от времени русскую театральную прессу 1880—90-х годов и можно буквально захлебнуться от многочисленных проявлений восторга и обожания, которыми был окружен великий армянский трагик. Причем, это не только выраженные по свежим следам его выступлений восторги, но и серьезные аналитические статьи, написанные через десятилетия, трезво и спокойно.

Создается впечатление, что русские газеты и журналы тех лет соревнуются друг с другом в восхвалении Адамьяна.

«Этот небольшой по росту человек обладает гигантским талантом», — пишет знаменитый русский актер Андреев-Бурлак, современник Адамьяна.

«И вы можете сравнить Муне Сюлли в этой роли с непревзойденным Адамьяном — Гамлетом?! Он единственный Гамлет. Единственный!» — восклицает после спектакля знаменитый итальянский актер и антрепренер Форкати.

«Знаменитый артист мог бы быть украшением лучшей европейской сцены», — пишет «Призыв» в 1887 г.

«Напрасно думают иные, не видавшие г. Адамьяна, что этот актер армянский, т. е. принадлежащий всецело одной национальности, а не общенародный», — дополняет его «Новороссийский телеграф».

Не следует забывать о двух обстоятельствах, делающих семикратно ценными эти высказывания. Во-первых, в эти годы в России гастролировали почти все мировые знаменитости. Во-вторых, Адамьян играл... на армянском языке и

только гениальная игра могла преодолеть языковой барьер, доводя до зрителей сложный духовный мир героев...

«Нх Сальвини, ни Росси, ни Поссарт, ни Барнай не дали нам такого цельного, художественно законченного Гамлета, как г. Адамьян», — пишет в 1887 г. «Одесский вестник», анализируя Гамлета — Адамьяна.

Газеты тех лет полны подобными же восторженными отзывами и о таких ролях Адамьяна, как король Лир, Отелло, Коррадо, Уриэль Акоста, Арбенин...

Апофеозом всех этих восторгов звучат слова одного из столпов русского театра В. И. Немировича-Данченко. «Адамьян — это явление, это подлинная легенда!»

И если в трудах многих современных русских и иностранных театроведов и шекспироведов Адамьян стал «явлением» прошлого или «легендой» в плохом понимании этого слова (мол, может быть, вообще не было Адамьяна — гениального трагика?!), то причина этого не в отсутствии или недостаточности материалов об Адамьяне и не в злом умысле, а в том, что материалы эти до сих пор не были изучены и должным образом не освещены в театроведении.

С этой точки зрения огромно значение двухтомного исследования доктора искусствоведения Рубена Заряна о Петросе Адамьяне, одна из глав которого под названием «Шекспир Адамьяна» недавно вышла в свет на русском языке, представляемая словом народного художника СССР Мартироса Сарьяна.

Автор проделал работу, для которой недостаточно одной добросовестности исследователя — надо было воистину влюбленным в Адамьяна, чтобы поднять такое количество материалов, перерывать столько архивов и библиотек и по крупицам собирать буквально все, имеющее отношение к Адамьяну и к исполнению им шекспировских ролей.

В коротком предисловии и в самой книге автор умело изображает тот фол, — мрачную реакцию в России 80-х годов, без ясного представления о котором непонятным было бы очень многое в духовной жизни тех лет.

В этот мрачный период истории Шекспир, несомненно, был оружием в руках передовых деятелей России, помогающих пробуждать в народе чувство собственного достоинства, сохранять в эти смутные годы веру в свои силы и будущее...

Автор подробно и обстоятельно анализирует в книге три шекспировские роли Адамьяна — Отелло, короля Лира и Гамлета. Рассказывает он об этом так проникновенно, с таким знанием подробнейших деталей, что иногда кажется, будто это заметки очевидца...

Безгранично влюбленный в Адамьяна, исследователь все же не идет по легкому пути, извлекая из пожелтевших страниц старых газет и журналов только хвалебные отзывы об Адамьяне или только то, что лежит в русле его мыслей и концепций.

Объективно излагая отзывы об Адамьяне — от преувеличенно восторженных до насмешливых и даже враждебных, автор с завидным умением и убедительностью показывает их истоки, причины, их обусловленность духом времени, существованием борющихся тенденций.

Конечно, сторонники и защитники тенденции «пассизно-созерцательного» Гамлета не могли бы воздать хвалу сильному и активному Гамлету Адамьяна, даже будучи в восторге от игры артиста!

Точно так же, скажем, сторонники «бытового театра» не могли воспринять подлинный реализм игры Адамьяна, и не случайно он до последних времен ходил в романтиках.

Автору, на мой взгляд, лучше всего удался анализ Гамлета Адамьяна. Он убедительно показывает, что Гамлет Адамьяна не только продолжение и развитие «активного» Гамлета Белинского — Мочалова, но и наиболее полное и яркое его выражение.

Высоко оценивая Гамлета великого русского артиста Мочалова и одновременно критикуя его слабые стороны, Белинский выразил надежду, что наступит время, «когда русская публика увидит на сцене настоящего Гамлета».

Напомнив об этих словах Белинского, русский театровед Ярышкин под впечатлением Гамлета — Адамьяна пишет: «Такое время настало! Появился художник, который принес с собой новые краски и создал такого Гамлета, каким, по всей видимости, представлял его сам бессмертный поэт».

Особенную, принципиальную удачу Адамьяна в роли Гамлета подчеркивают почти все русские газеты того времени. Молодому Адамьяну нужно было иметь не только недюжинный талант, но и огромную творческую дерзость, чтобы, как писал о нем, «идти вразрез с традиционными понятиями», с «избитыми академическими мнениями» с тем Гамлетом, «который завещан господствующими объяснениями критики и пониманием великих исполнителей».

Что такое успех в роли Гамлета? Это успех в сценах встречи с призраком, Офелией, матерью, сцены на кладбище, последней сцены, монолога «Быть или не быть». И во всех этих сценах, по восторженным отзывам выдающихся деятелей русского театра, Адамьян был неповторим. Он так вжился в роль Гамлета, что многие (в том числе и специалисты) не замечали даже сделанных им маленьких отклонений от шекспировского текста, когда он совсем разувверившись в матери, и уходя от нее, произносит не «спокойной ночи, мать» (как в тексте), «а спокойной ночи, королева» — подчеркивая этим, что у него больше нет матери... Сколько

своего, армянского, в изображении этого состояния страшного удара с потери самого сокровенного — матери, образ которой осящался в ками в армянских народных песнях, легендах, в жизни...

Точно так же, как в игре Мочалова — Гамлета прямо или косвенно отражался активный, борющийся дух революционных демократов 40-х годов, так и в Гамлете Адамьяна находили свое отражение дух борьбы армянского народа против кровавого турецкого султана, его воля к жизни, стремление светлому будущему. Если, по строгости восклиданию Гамлета «Дания — тюрьма», то Турция и по давно была тюрьмой, и Адамьян, как передовой представитель своего времени и своего народа, не мог не играть в Гамлете и этого, не мог не выразить на сцене и это...

Видно, эти трудноуловимые но реально существующие стороны игры Адамьяна — Гамлета имели виду театровед Ю. Юзовский, тогда замечая, что в «Гамлете Адамьяна» можно было увидеть не только образ человека, но и образ нации».

Большая удача Адамьяна — Гамлета не случайна. Сам Адамьян пишет: «Десять лет играл я Гамлета, а до этого десять лет изучал и по сегодняшний день продолжаю изучать...».

Ведь Адамьян — актер, художник и поэт — не только Гамлет и король Лир на сцене, но и автор очень интересного исследования о Гамлете и чудесного стихотворения Лире.

Заслуга Рубена Заряна не только в том, что он словно воскрешает перед нами гениального актера, художника и поэта Адамьяна, поднимая все нюансы его игры, внося ясность в путаные споры рецензентов, поднимая его на высокий пьедестал, принадлежащий ему по праву, наряду с другими всемирно известными трагиками XIX века, но и высказывает много интересных соображений о драматургии Шекспира вообще и о его главных пьесах, что обусловлено прекрасным знанием шекспировской драматургии.

Большой интерес представляют также сделанные как бы мимоходом замечания автора о реализме и романтизме в театре, о «премисных» и «ансамблевых» спектаклях, о соотношении в игре актерского момента «переживания» и «представления» и о многом другом.

Но при этом хотелось бы обратить внимание автора на некоторую упрощенность в понимании прямого, непосредственного влияния театра на общественную жизнь, а также слишком отвлеченный, без указания оппонентов спор о связи Адамьяна с традициями армянского театра.

Издание на русском языке книги Рубена Заряна является большим вкладом не только в «адамьяноведение», но и в шекспироведение. Труд этот определяет почетное место Адамьяна в истории сценического воплощения шекспировских образов, в истории «театра Шекспира» XIX века.

Я нахожу очень справедливым желание многих армянских, русских и европейских театроведов и шекспироведов увидеть этот труд — труд, посвященный Шекспиру и одному из его армянских оруженосцев — на английском языке, на языке величайшего драматурга 350-летие со дня смерти которого исполняется в 1986 году.

Георгий ЭМИН.

*) Здесь и далее все цитаты взяты из книги Р. Заряна.